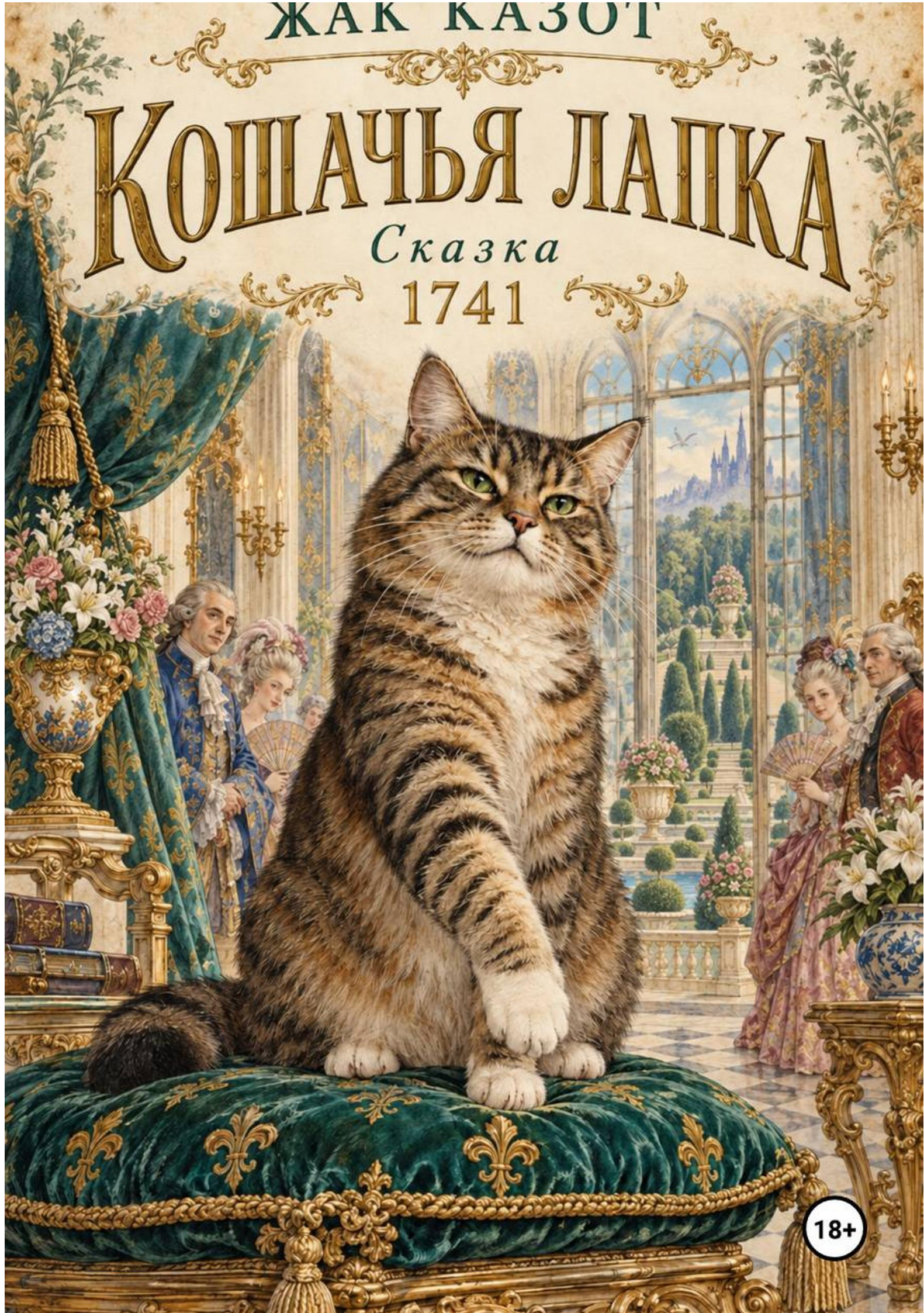

ЖАК КАЗОТ

КОШАЧЬЯ ЛАПКА

Сказка
1741

18+

Жак Казот

Кошачья лапка

«Автор»

2026

Казот Ж.

Кошачья лапка / Ж. Казот — «Автор», 2026

Одна кошачья лапка способна перевернуть жизнь целого королевства. Изгнанный со двора принц Амадиль отправляется в странствие: его ждут волшебный сад, синий двор, ледяная фея и испытание, в котором труднее всего увидеть самого себя. «Кошачья лапка» Жака Казота — французская сказка 1741 года о любви, самолюбии и придворных причудах. Полный перевод девяти глав по изданию 1880 года, с примечаниями и цветными иллюстрациями. Для взрослого читателя. Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

© Казот Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие к русскому изданию	5
Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Жак Казот

Кошачья лапка

Предисловие к русскому изданию

Перед вами старинная французская сказка в полном переводе. Издание адресовано взрослому читателю.

«Кошачья лапка» Жака Казота впервые появилась в 1741 году под названием *La Patte du chat, conte zinzimois* — «Кошачья лапка, зинзимская сказка». Зинзим — вымышленная страна. Здесь судьба целого двора может зависеть от настроения королевы, благополучия её кота и способности человека заметить собственный недостаток.

За волшебными садами, синими придворными и ледяными дворцами скрывается насмешливый рассказ о самолюбии, моде и придворной лести. Рассказчик то вмешивается в события, то спорит с читателем, то нарочно обрывает занимательный эпизод. Эти отступления и шуточные подзаголовки входят в авторский текст и сохранены в переводе.

Перевод выполнен по изданию *Contes de J. Cazotte*, выпущенному в Париже издательством А. Quantin в 1880 году: страницы 69–143. Использован оцифрованный экземпляр библиотеки Оттавского университета, доступный в Internet Archive. В книгу включены все девять глав сказки, песня сирены и рассказ Блеатр. Другие произведения сборника и вступительная статья Октава Юзанна в это издание не входят. Год 1741 на обложке обозначает первое издание произведения; текстовой основой русского перевода служит издание 1880 года.

Перевод сохраняет ход событий, авторские отступления и историческую условность повествования. Песня сирены передана свободным стихом, без воспроизведения рифмы и размера оригинала. Говорящее имя кота *Grognon* передано как Ворчун; имя феи *Vengeante* — как Мстительница. Краткие пояснения к старинным словам и литературным упоминаниям помещены после сказки.

Художественное оформление создано для русского издания. Цветные иллюстрации задуманы как состаренные книжные гравюры; они не воспроизводят рисунки французского тома. Внешность действующих лиц — художественная интерпретация: точный возраст героев в сказке не установлен.

Автор идеи русского издания, составитель и редактор — Александр Сергеевич Власов. Перевод, редакционные материалы и художественное оформление подготовлены с использованием современных языковых моделей.

Пусть эта встреча со старинной книгой подарит вам радость, а её герои напомнят: даже маленькое доброе дело может изменить чью-то судьбу.

2026 год.

Глава I

Которая нагонит скуку, как всякое вступление

Королевство Зинзим принадлежит к числу тех, которые географы потеряли из виду; я даже думаю, что, желая подшутить над ними, оно перебралось на другой материк. Какой-нибудь знаток древностей, пожалуй, мог бы в поте лица отыскать его следы; но эти учёные делят своё внимание между надгробными надписями и монетной мелочью. Жаль, что столь прекрасная наука сама себя стесняет.

Некоторое время в тех краях царствовал Татонне. Его голова вовсе не была создана для короны, однако судьба, для которой всё — игрушка, возложила на неё и это бремя. Местные летописи, довольно беспорядочные, ничего не сообщают о его предшественниках — быть может, не желая обременять себя лишними именами. Сам же он был добрый малый: глупый, подозрительный, болтливый, мягкий от природы, подчас вспыльчивый, но прежде всего — слабый.

Королева Филигранна представляла собой маленькое собрание прихотей, довольно удачно подобранных. Болтливостью она не уступала мужу, но её болтовня отличалась большей изысканностью: страстью королевы было остроумие. Она обладала такой сварливостью, какой не найдёшь ни у одной женщины ни тогда, ни впоследствии — чего бы мы ни ждали от дам нынешнего века; живостью, переходившей во вспыльчивость, а главное, повелительным видом, который был свойствен её полу и который она доводила до крайности со всеми без разбора.

Если бы о причинах всегда следовало судить по последствиям, никто бы не поверил, что подобная чета могла произвести на свет совершенство. И всё же их дочь Амандина превосходила всё самое прекрасное, что видели до той поры.

Самые тонкие кисти, самые лёгкие и лъстивые перья тщетно пытались создать её портрет. Она затмевала блеск самых ярких красок и даже великолепие восточного слога; зато её похвалу можно было прочесть в глубине каждого сердца.

Амуры толпами спешили подчиниться её власти. Как ни были они предприимчивы, тут они забывали и преимущества своего рождения, и привычку проказничать: не выдав прежде ничего столь совершенного, они замирали в почтительном восхищении.

Наконец, подгоняемые бурными и неодолимыми желаниями, они всем скопом принялись объясняться в любви и встретили весьма дурной приём: слишком уж много от них было шума.

К тому же редкая красавица должна начать с какого-нибудь проявления жестокости: во-первых, наступает пора, когда вернуться к ней уже нелегко; во-вторых, неплохо сперва довести кого-нибудь до небольшого отчаяния, чтобы составить имя своей добродетели.

Такой приём должен был убить надежду во всех влюблённых сердцах. Однако принц Амадиль, чья любовь до тех пор молчала, надежды не терял: такова уж природа влюблённого. Быть может, он полагал, что первый отказ ещё не предвещает второго. Перед соперниками у него были большие преимущества: тонкий ум, выразительное лицо, прекрасная фигура. Строго говоря, в нём можно было отыскать лишь один недостаток — чересчур длинный нос.

Длинный нос не отпугивает симпатию, а порой даже пробуждает её. Если бы принц и признал за собой этот недостаток, он не слишком встревожился бы; но он вовсе его не замечал. Итак, он решил предложить ещё одно сердце на презрение принцессе — презрение, казалось бы, неизбежное, на которое, однако, сам он не рассчитывал.

В его намерении признаться в любви, по существу, не было ничего чрезмерно смелого. Амандина была прелестна; чтобы почувствовать это, полюбить её и сказать ей об этом, хва-

тало одного природного влечения. Такие слова она слышала ежедневно в обычной беседе, а всякое её появление на людях сопровождалось тысячами подобных признаний, сливавшихся с народными приветствиями.

Беда заключалась в том, что до сих пор она ни на что не обращала внимания. Именно из этой рассеянности и надо было её вывести. Принц понимал: всё зависит от того, удачно ли выберешь минуту для признания и сумеешь ли заранее вызвать к себе хоть небольшой интерес нежными взглядами.

Язык глаз, при всей своей немоте, обладает какой-то мягкой силой, перед которой сердце не настораживается. Он почтительнее к предмету любви, а в случае отказа оставляет лазейку для самолюбия влюблённого.

Пока принц высматривал удобную минуту для объяснения, ему помогла одна из королевских прихотей.

Филигранна часто собирала во дворце столичных острословов. Дважды за луну они исправно являлись хором восхищаться её долгими монологами: как ни льстили ей рукоплескания, она не терпела, чтобы комплименты следовали один за другим, — так спешила получить новые. Ей вздумалось приобщить Амандину к этим собраниям. Познания принцессы казались ей слишком скудными, манера выражаться — слишком естественной; словом, она хотела, чтобы дочь усвоила то, что у нас называется тоном хорошего общества. Амадиль занимал своё место среди острословов и по знатности рождения, и потому, что слыл посредственным сочинителем песен. Это не считалось особой заслугой при дворе, где очень ценили слащавые песенки и особого рода чопорные оды, в которых остроумие отпускалось по счёту.

Узнав, что Амандина будет на собрании, принц явился раньше обыкновенного. В тот день королева рассказывала о своих государственных подвигах. Она побывала в совете — ведь везде ей требовалось играть свою роль. Она испарала лицо канцлеру, вздумавшему возразить ей ради народного блага; наконец, громогласно объявила, что намерена править королевством так же, как собственным дворцом, то есть довести всех до бешенства.

Выслушивая этот прекрасный рассказ, одобренный патетикой, все присутствующие выражали восхищение своими позами. Тем временем лирический поэт Дусине набрасывал на табличках оду королеве, которую отнюдь не собирался выдавать за плод труда или памяти.

Импровизация вскоре была готова, и автор начал читать её нараспев, напыщенным и довольным тоном. Слушатели внимали ему. Тут любовь Амадила, увидев благоприятное стечение обстоятельств, решила сделать первый шаг.

Амандина задумалась. В сочинении Дусине не было ничего, что могло бы затронуть её вкус или вызвать зависть, и она совершенно его не слушала. Её скучающие глаза, искавшие развлечения, скользили по окружающим предметам. Случайно они встретились с одним глазом Амадила, говорившим самые нежные вещи на свете. Принцесса тотчас замерла. Что же было бы, увидь она оба глаза! Но принц сидел к ней в профиль, а другой глаз скрывался за длинным носом.

Влекомая невольным чувством, она не могла отвести взгляда от того, что его приковало. Рядом с этим глазом вся остальная природа казалась ей немой: он говорил её сердцу на языке столь же трогательном, сколь неведомом.

Одно испытанное удовольствие ведёт к другому. Амандина, поддавшись любопытству и почти не сознавая, что делает, захотела проверить, в согласии ли второй глаз принца с тем, который она уже увидела. Для этого пришлось заметно переменить положение. Она наклонилась слишком далеко, кресло скользнуло по паркету, и она упала. Падение не оказалось опасным: принц, словно предвидев его, успел подойти и подхватить её. Но, поспешив на помощь, он наступил на лапку королевского кота, сидевшего рядом. Ворчун издал ужасающее мяуканье, и все переполошились.

Беда была немалая: трудно даже поверить, каким почётом пользовался Ворчун при дворе. Королева любила

только его и лишь с ним советовалась. Она повсюду брала его с собой и беспрестанно предлагала придворным поклоняться ему. Все его ласкали, все старались заслужить его благосклонность. Счастлив был тот, кому он протягивал бархатную лапку!

Крики Ворчуна привели Филигранну в необычайное исступление. Она высказала Амадию всё, что подсказал гнев; оправдания принца лишь сильнее её раздражили. Она запретила ему впредь показываться ей на глаза и поспешила запереться у себя на восемь дней.

Амадиль был далеко не самым огорчённым свидетелем этой прискорбной истории. Тайное предчувствие наполняло его радостью. Он перехватил несколько взглядов Амандины, обещавших не слишком суровое обращение. Он держал прелестную принцессу в объятиях, и она не рассердилась. Наконец, когда королева осыпала его бранью, Амандина, казалось, сочувствовала его затруднению.

Зато злосчастный Дусине был в отчаянии. Едва оставшись на свободе, он закричал громче Ворчуна. Да кто бы на его месте не закричал? Ода должна была принести ему придворную пенсию; прочли только половину, а вся соль как раз была в конце.

Глава II

Ни в чём не уступающая первой

Между тем Филигранна печалилась всерьёз. Её дорогой Ворчун был ранен. Привыкший к ласкам, после своего несчастья он одичал: отвергал заботы королевы, норовил вцепиться когтями в глаза приставленным к нему дамам и целыми днями ворчал под мебелью в своих покоях.

Его аппетит пытались возбудить всем, что способно прельстить породистого коталакомку. Из городских мышеловок велели выбрать самых упитанных мышей; сама королева пожертвовала канарейкой, которая делила с ним её привязанность. Но он пожирал всё с рычанием и принимался ужасно мяукать, едва кто-нибудь хотел взять его на руки.

Тут тревога королевы стала нестерпимой. Она созвала всех столичных врачей, надеясь, что они сумеют помочь; и всё учёное сословие, торжественно собравшись, отправилось во дворец.

Филигранна начала беседу рассказом о несчастье. Она то и дело прерывалась: что-то здесь отвлекало её внимание. Об этом необходимо рассказать подробнее.

На что только не отваживается любовь! Разве видит она опасность, когда может надеяться на самое ничтожное удовольствие? Амадиль, изгнанный от двора, страдал не столько от несправедливой суровости королевы, сколько от разлуки с Амандиной. Он горел желанием увидеть принцессу вновь, и препятствия лишь разжигали это желание. Он составлял двадцать планов, и все они рушились. Наконец, узнав, что королева созвала врачей своего государства, он решил переодеться одним из них и проникнуть во дворец под чужой личиной: собрание было многочисленно, и он рассчитывал, что попытка сойдёт ему с рук.

Ради собственной безопасности ему требовалось замаскироваться как можно лучше. Филигранна была столь же сурова, сколь своенравна. Поэтому он постарался на славу и переоделся так искусно, что узнать его могла лишь любовь или жажда мести.

Плащ, в котором он словно утонул, совершенно скрывал его фигуру. Огромный парик утаивал две трети лица; но нос, к несчастью, слишком выдавался вперёд — и этого было довольно, чтобы его выдать.

Этот нос приковывал взгляды принцессы и королевы по разным причинам. Амандина испытывала к нему тайный интерес, причины которого не понимала. Более проницательная Филигранна, несмотря на странный наряд, всё время различала черты принца.

Когда она достаточно убедилась в своих догадках, её глаза вспыхнули гневом. Она вообразила, будто он явился строить козни Ворчуну: всё на свете она соотносила с собственными мыслями.

— Амадиль! — вскричала она. — Какой бес привёл вас сюда вопреки моему приказу? Я догадываюсь о ваших замыслах. Вы ненавидите моего кота за то, что я его люблю; вы в отчаянии оттого, что не сумели его убить, и явились завершить преступление, прикрывшись лживым нарядом, чтобы избежать наказания!

Она, без сомнения, продолжала бы, но остановилась, любуясь собой. Даже досада не помешала ей остаться довольной этой речью: её напыщенность королева принимала за величие.

Принц воспользовался передышкой и ускользнул. Отступление его было столь же благо-разумным, сколь поспешным: промедли он ещё, королева, пожалуй, перешла бы к крайностям. Вспышка её гнева начиналась в рамках приличия, но разгоралась мало-помалу и даже без возражений достигала предела.

Едва он вышел, поднялся невероятный шум. Лейб-медик попробовал напомнить королеве о хрупкости её сложения и о том, как гнев расстраивает телесные волокна; но ни один совет не был вознаграждён хуже. Она обратила ярость на него:

— Ступай, старый негодяй! Прочь с глаз моих, ты и вся твоя шайка! Мне следовало бы очистить государство от таких, как вы. Вы укрывали жесточайшего врага моего кота, который хотел его умертвить! Ах, да он ведь не единственный палач среди вас!

Быть может, в этих словах была доля правды. Врачи её страны стоили наших. Как бы то ни было, все они покинули дворец с трауром на лицах и печалью в сердцах.

Пока королева предавалась гневу и замышляла месть, к которой толкал её нрав, Амандина тоже не знала покоя. Она не заблуждалась насчёт поступка принца. Он не способен на жестокость к несчастному коту; зато способен любить. Даже его глаза с некоторых пор говорили об этом вполне понятно. Самое удивительное для неё заключалось в том, что она слушала их с удовольствием.

Она призвала на помощь всю свою гордость, чтобы защититься от новых чувств, которые её волновали; но это слабая опора, когда собственное влечение нам изменяет. Она размышляла о том, о чём размышлять не хотела. Лишь сильная любовь могла побудить Амадила на столь рискованный шаг. Достоинства принца, сложенные с такой любовью, давали немалую сумму; сердце принцессы вполне это оценивало. Она думала об этом — будто всего один раз; и, даже стараясь больше не думать, думала беспрестанно. К тревоге, которую внушали ей смятение собственного сердца и бессилие с ним справиться, присоединялись новые страхи. Она постоянно боялась, что королева, чей буйный нрав был ей известен, совершит какую-нибудь жестокость над Амадилом. Воображение рисовало ей двадцать кровавых картин. Напрасно она пыталась прогнать их: подобно мрачным призракам, пугающим нас во сне, они возвращались целыми толпами, чем усерднее она от них уклонялась. Такие тревоги, разумеется, не могли происходить из обыкновенного сострадания. Всё в них носило признаки вполне зрелой любви; и принцесса немало удивлялась тому, как далеко зашла за столь короткое время.

Будь её мнение о любви благосклоннее, она, пожалуй, отдалась бы ей с меньшими раздумьями. Но предубеждение против любви было ужасно, и та заслужила его своим дурным поведением: её история состояла из измен, низостей и распутства. Едва можно было найти в ней несколько изящных эпизодов — да и те были взяты из романов, — прелести которых любовь старательно выставляла напоказ, когда хотела кого-нибудь обольстить.

Амандина, одолеваемая собственными мыслями, решила перед тем, как сдаться, ещё раз столкнуть свой рассудок со своим влечением. Она почти не сомневалась,

что победит последнее: в самом деле, что мог сказать рассудок против Амадила? Поднять на смех его нос? Для этого следовало быть уж очень придирчивой. Впрочем, если рассудок и действует в таких случаях, то всегда вполсилы: вслух его просят говорить, а шёпотом умоляют молчать.

Глава III

Не более занимательная, чем две предыдущие

Любимый мужчина редко не замечает расположения к себе; если он и ошибается, то обыкновенно лишь в его степени. Дело не в особой проницательности любви — ей помогает тщеславие. Амадиль не считал себя настолько счастливым, насколько был на самом деле, но догадывался, что ненависти к нему не питают.

Всё, что делала принцесса, вновь возникало в его мыслях; он взвешивал каждое обстоятельство, стараясь извлечь из него благоприятное предположение. Самый мимолётный её взгляд, малейшее движение — всё казалось ему знаменательным. Всё словно обещало исполнение его желаний. Он беспрестанно перебирал в памяти миллион пустячков, которые не трогают обыкновенных людей, но составляют счастье тонко чувствующего влюблённого в начале его пути.

Среди этих радостных открытий недовольство королевы ничуть бы его не огорчало, если бы он мог видеть Амандину. Но требовалось уехать от двора: таково было неизбежное следствие опалы. Значит, надо было лишиться общества принцессы как раз тогда, когда он охотнее расстался бы с жизнью.

Если бы изгнание продлилось лишь несколько дней, он, быть может, успокоился бы. Но кто мог поручиться, что королевская прихоть окажется недолговечной? Иные её прихоти длились весьма долго.

С такими мыслями принц вернулся в свой дворец. Они теснились вокруг него и тогда, когда он отправился к границе на одной из своих лошадей — далеко не лучшей, как мы увидим впоследствии.

Поначалу он ехал быстро, затем всё медленнее; наконец бросил поводья, чтобы целиком отдаться мечтам.

Он пересчитывал все мгновения, когда видел принцессу: как мало их было! Тут же он пытался вычислить, сколько времени проведёт без неё; но часы казались годами, дням не было конца, и вскоре, обескураженный трудностью подсчёта, он переходил к другим замыслам.

Не зная, уверена ли принцесса в силе его любви, он уже тревожился о том, как признаться ей по возвращении в столицу. Признание можно было бы вплести в разговор; но ему предстояло сказать так много, а влюблён он был так сильно, что не мог положиться на собственное красноречие при подобных обстоятельствах. Письмо казалось надёжнее. Он тут же сочинил сотни образцов; однако, как ни удачно они были составлены, ни один не выражал и половины желаемого. Он отвергал их все и принимался заново.

Вероятно, он ещё долго начинал бы сначала с тем же ничтожным успехом — так требователен он сделался; но лошадь оступилась и вдруг, помимо его воли, оторвала его от сочинительства.

Он открыл глаза, словно пробудившись от глубокого сна, и увидел нечто настолько новое, что невольно отвлёкся от своих мыслей.

Он полагал, что едет к границе, а оказался, точно по волшебству, в великолепном саду, о котором никогда не слышал, хотя тот находился всего в половине дня пути от Зинзима. Простор был величествен, а расположение всего казалось совершенно естественным: рощицы разной величины; разбросанные без порядка и определённых очертаний лужайки, расцвеченные прекраснейшими и душистейшими цветами; каменные гроты столь же удачного, сколь причуд-

ливого устройства; изваяния, почти наделённые жизнью. Статуи будто собирались покинуть эти чудесные места, но оставались, чтобы ими любоваться.

Из агатовой скалы выбегал источник прозрачнее хрусталя. Скала словно хотела его удержать, протягивая вдаль две руки, служившие ему берегами; наконец он терялся в водоёме, почти неприметно устроенном посреди сада. Тысячи ручейков стекались туда на отдых, побегав среди цветов, которым давали жизнь. Над маленькими волнами поднимала мокрую голову сирена; вода из её уст взлетала до небес и в солнечных лучах падала обратно алмазами.

Принц, удивлённый и восхищённый столь прелестным зрелищем, жадно оглядывался. Наконец, мало-помалу опомнившись и соблазнившись красотой места, он решил немного отдохнуть, спешился и сел на траву у края водоёма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.